

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

РЕФОРМАЦИЯ

ХЕЛЕН А. ПЭРИШ

Один из самых определяющих моментов
европейской истории

Хелен Л. Пэриш

Краткая история: Реформация

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55984554

Х. Л. Пэриш. Краткая история: Реформация: ООО «Издательская

Группа «Азбука-Аттикус»; Москва; 2020

ISBN 978-5-389-18293-6

Аннотация

Когда в октябре 1517 года Мартин Лютер прикрепил свои 95 тезисов к двери церкви Всех Святых в Виттенберге, он потряс основы западного христианства. Под сомнение были поставлены все догмы, традиции и приоритеты... Идеи Лютера о реформировании религиозных доктрин и практик и последовавшие протесты против продажи индульгенций раскололи Церковь. Но Реформация в итоге вышла за пределы богословской сферы, приведя к тому, что изменения коснулись отношений между духовной и светской властью, восприятия сверхъестественного, толкования прошлого, понимания роли женщин в обществе и Церкви, а также клерикального взгляда на брак и секс.

Опираясь на обширнейший пласт современной историографии, автор этой книги помещает протестантскую Реформацию в культурный, социальный и политический контексты, исследуя ее воздействие на смену тенденций в

искусстве и архитектуре, на трансформацию представлений о власти и понимания силы Священного Писания и теологической традиции.

Снабженная черно-белыми иллюстрациями, несколькими картами и временной шкалой, книга будет полезна студентам высших учебных заведений и их преподавателям, а также всем, кому интересна история Реформации и в целом развитие религиозных и общественно-политических движений в Европе раннего Нового времени.

Содержание

Введение. Пятьсот лет	10
1. В одной лишь Божьей власти? Мартин Лютер и богословие Реформации	43
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Хелен Пэриш

Краткая история: Реформация

Helen L. Parish

A Short History of the Reformation

© Helen L. Parish, 2018

© Феоклистова В. М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

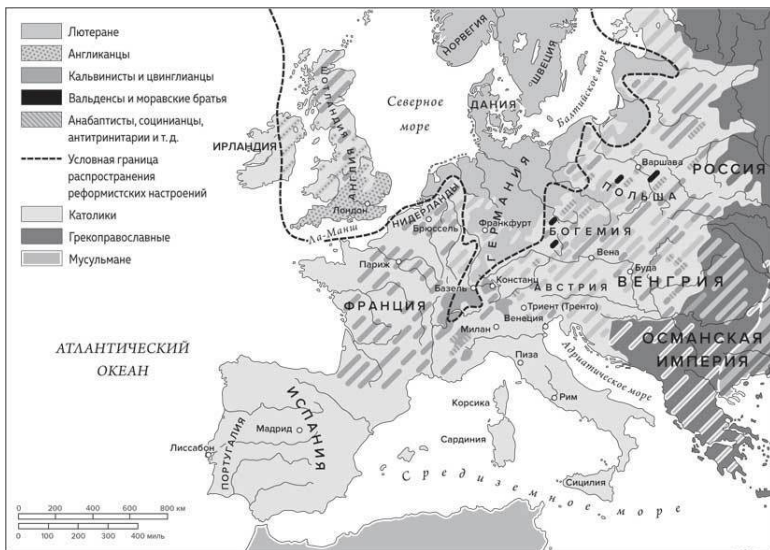
КоЛибри®

* * *

Хелен Л. Пэриш – историк, преподаватель истории Европы 1450–1600 гг. и Реформации в Редингском университете (Беркшир, Англия). В область ее научных интересов входят вопросы церковного брака, а также темы, связанные с мифами, ритуалами, суевериями и магией раннего Нового времени.

Карта 1. Европа в конце XVI века

Карта 2. Религиозная ситуация в Европе ок. 1560 г.

Карта 3. Религиозная ситуация в Центральной Европе ок. 1560 г.

Введение. Пятьсот лет

Вечный Всемогуций Бог смотрел на нас милостиво, и вывел нас из ужасного мрака папства, и привел [нас] к яркому свету Евангелия.

Абрахам Скультетус. Новогодняя проповедь, прочитанная в Гейдельберге по случаю столетия Реформации, 1617¹

Ad Lutherum igitur nostrum revertimur, & ipsius potius effigiem in incendiis singulari Dei providentia conservatam fuisse, probamus... («И возвращаемся к Лютеру и его портрету, брошенному в огонь и спасенному Провидением Божьим...»)

Юстус Шёнфер. «Лютер не горит», 1717²

Реформация принесла вместо слова человеческого Слово Божие, вместо ограниченного и надуманного толкования – свободное обсуждение Священного Писания, вместо темной, слепой веры – рассудочную ясность добровольной убежденности, вместо принуждения совести под властью духовенства – свободу духа и сердца под властью

---

¹ G. Benrath. Reformierte Kirchengeschichtsschreibung an der Universitat Heidelberg im 16. und 17. Jahrhundert. Speyer: Zehnersche Buchdruckerei, 1963, pp. 37–39.

² J. Schoepffer. Lutherus non combustus sive enarratio de D. M. Luthero eiusque imagine singulari providentia dei T. O. M. duplici vice ab igne miraculosa. Wittenberg, 1717.

Бога.

Август Людвиг Хаништайн. Юбилей евангельской церкви: подготовительные материалы проповедей, 1817³

Мартин Лютер – защитник сохранения немецкого духа.

Эрих Бранденбург. Мартин Лютер – защитник немецкого духа: речь по поводу четырехсотлетнего юбилея Реформации, 1917

31 октября 1517 г. Мартин Лютер вывесил на двери Замковой церкви свои знаменитые 95 тезисов против злоупотребления продажей индульгенций. Это не только изменило церковный мир, но и послужило толчком к началу Реформации в политике, экономике, науке, искусстве и культуре. Город Лютера Виттенберг, Туристический справочник

1517

Пятисотлетний юбилей Реформации отмечался 31 октября 2017 г. Немногие юбилеи вызывали такой глобальный и разносторонний интерес, который в основном был сосредоточен на убеждениях одного человека – Мартина Лютера – и на ощущении, что события октября 1517 г. оказали преоб-

---

³ Das Jubeljar der evangelischen Kirche: Vie vorbereitende Predigten. Berlin, 1817, p. 31.

разующее влияние на Европу и остальной мир. Протестантскую Реформацию обвиняли в том, что она стала причиной раздоров, религиозной войны и даже культурного краха, но в то же время восхваляли как прогрессивное явление, в котором крылись основы капитализма, демократии и антиклерикализма. Ее историю начали писать еще при жизни Лютера и продолжали составлять в течение последующих пяти веков. За полтысячелетия процесс ее написания придал форму самой истории, а увековечивание памяти о событиях, временах, людях и местах видоизменило память и воссоздало прошлое. Реформация – это палимпсест, рукопись, с которой стерт первоначальный текст и на его месте написан новый, в который каждое поколение вкладывало новое значение; значение, в свою очередь стираемое под давлением новых обстоятельств и методологий. Но постоянство, с которым 1517 г. появляется в словах, образах и памяти, указывает на широкое признание значения событий, произошедших в Виттенберге, и волн, поднятых ими во всей Европе и всеобщей истории.

Портрет Мартина Лютера. Лукас Кранах Старший, 1529 г.

Мартин Лютер занимает центральное место в исторической памяти и на страницах этой книги. События 1517 г. считались Лютеровской Реформацией, хотя последние исследо-

вания доказывают, что истинная картина намного сложнее, чем представлялось ранее, и история «монаха-отступника» неразрывно связана с историей Реформации. Этому повествованию присуща притягательность, в нем Лютер предстанет человеком совести, вооруженным словом Господа и противостоящим институциональной церкви, человеком, который «не мог поступать иначе». Лютер был своего рода Давидом, восставшим против мощи и жестокости Голиафа и бросившим вызов авторитаризму. Именно он смог защитить верующих и отношения между отдельным человеком и Господом от догматов и предрассудков средневековой Церкви. Лютер вернул верующим Библию, Слово Божие, отвоевывая контроль над Евангелием у тех, кто отстаивал превосходство папства и законов Церкви, он провозгласил свободу Евангелия для тех, кто готов был ее принять. Именно Лютер разметал совокупность религиозных практик, которые возводили физические и догматические барьеры между священником и людьми, позволив человечеству напрямую общаться с Богом и освободиться от повинностей и епитимий подавляющей системы. И именно имя Лютера стало синонимом реформы и возрождения, а его губительное для папской церкви и предельно простое учение разорвало оковы запутанного и морально разложившегося католицизма, попавшего под влияние дьявола, и наставило христианство на иконоборческий путь к истинной религии, духовному спасению, интеллектуальному и экономическому прогрессу.

Посмертный портрет Мартина Лютера в одеянии августинца. Мастерская Лукаса Кранаха, после 1546 г.

Но стоит начать анализировать язык и допущения, сделанные в этом описании, и станет понятно, почему в течение последних пятисот лет Реформация была предметом споров, дискуссий и реконструкций. По мнению оппонентов Лютера, его Реформация опиралась не на Священное Писание, а на самонадеянный и упрямый подход к церкви, основанной на камне св. Петра⁴. Лютер был не героем дня, а «диким вепрем, вторгшимся в виноградник Господень». Широкое хождение его полемики на родном языке распространяло яд среди верующих и поощряло неповиновение, духовный и физический мятеж. Постановления и соборы Церкви, ведомой Святым Духом, подтверждали истину Священного Писания и обеспечивали нормативное толкование Библии, однако гордыня и упрямство Лютера позволяли ему утверждать, что его суждения более значимы. Как и другие самозванные реформаторы, Лютер способствовал погружению верующих в дикие фантазии, которые бесчестили священное таинство веры. Выступая против пятнадцативековой опеки Церкви над Евангелием, «один-единственный монах заблуждается и обманывается собственным суждением, кото-

---

⁴ Обыгрываются слова Христа апостолу Петру: «Я говорю тебе: ты – Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16:18). – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

рое противоречит всему христианству»⁵.

Между прямо противоположными воззрениями на Реформацию располагается широкий диапазон более тонких толкований. По мере развития науки о Реформации корректировались и ее общие описания. При этом исследователи пользовались более содержательной лексикой, чтобы понять и объяснять ее идеи и события. Были более тщательно изучены культурные, политические, социальные и скрытые пастырские влияния, формировавшие раннюю современную религию. История Реформации обрела форму благодаря исторической науке и интеллектуальному давлению, которое оказывали на нее меняющиеся обстоятельства и идеологии. В результате образовалась еще бóльшая степень неопределенности в более подробных, хотя и сбивающих с толку описаниях, ставящих под сомнение сами основы Реформации. Так что выяснение отношений между Лютером и лютеранством, между человеком и идеями, воплощенными в

---

⁵ Papal bull, *Exsurge Domine*, 1520; *J. Cochlaeus. Commentaria de actis et scriptis Martini Lutheri ex ordine ab Anno Domini MDXVII usque ad Annum MDXLVI inclusive, fideliter conscripta*. Mainz: Franz Behem, 1549; *The Deeds and Writings of Martin Luther from the Year of Our Lord 1517 to the Year 1546 Related Chronologically to all Posterity, in Luther's Lives: Two Contemporary Accounts of Martin Luther*. Trans. and annotated by E. Vandiver, R. Keen and T. D. Frazel. Manchester: Manchester University Press; New York: Palgrave, 2002, pp. 53–55; *C. Voklmar. Turning Luther's Weapons against Him: the Birth of Catholic Propaganda in Saxony in the 1520s // The Book Triumphant: Print in Transition in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. M. Walsby and G. Kemp (ed.). Leiden: Brill, 2011, pp. 115–131; *D. Bagchi. Luther's Earliest Opponents: Catholic Controversialists, 1518–1525*. Minneapolis: Fortress, 1991.

его имени, продолжается. Получившая у богословов четкое название Реформация стала собранием реформ, каждая из которых сформирована собственными идеями, проблемами и реалиями. Эпоха Реформации больше не ограничивается XVI веком, а восходит к высокому Средневековью и растягивается до конца XVII столетия. Историки Реформации были умелыми колонистами: они видели корни и ответвления своей тематики в самых разных спорах не только по вопросам богословия, но и по вопросам отношений между Церковью и государством, взаимодействия письменной и устной культур, экономических и социальных императивов, материальной культуры, пола, магии, предрассудков и священной топографии Европы раннего Нового времени. Связать эту интеллектуальную динамику с личным кризисом одного монаха-августинца, возможно, покажется плохой идеей, но история раннего современного христианства остается неотделимой от имени Мартина Лютера с того времени, как Реформация впервые вошла в историю и память о ней была увековечена.

Создание истории для Реформации неразрывно связано с ее собственным поиском подходящего прошлого, с формированием нового описания священной истории, которая объединяла прошлое с настоящим посредством символических отношений, во многих аспектах сохранившихся до настоящего времени. История читалась сквозь призму Священного Писания, которое окрашивало события и повествова-

ния эсхатологическим цветом, а вождем реформы придавало статус пророков, обладающих пониманием как Священного Писания, так и человеческого прошлого. Уважение к истории способствовало увековечиванию, которое было наиболее очевидным в рассказах о мучениках, пострадавших за веру в XVI веке, подобно тому как это случалось в период раннего христианства, но этот процесс имел потенциал создания собственной истории⁶. Как предположил Ховард Лу-

---

⁶ См.: *A. G. Dickens and J. Tonkin. The Reformation in Historical Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985; B. Gordon (ed.). Protestant History and Identity in Sixteenth Century Europe, 2 vols. Aldershot: Scolar Press, 1996; A. Grafton. What was History? The Art of History in Early Modern Europe. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2007; P. Kewes (ed.). The Uses of History in Early Modern England. San Marino, CA: Huntingdon Library Press, 2006; K. van Liere, S. Ditchfield and H. Louthan. Sacred History: Uses of the Christian Past in the Renaissance World. Oxford: Oxford University Press, 2012; I. Backus. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615). Leiden: Brill, 2003; B. Gregory. Persecutions and Martyrdom // Cambridge History of Christianity: Reform and Expansion 1500–1660, Vol. 6. R. Po-Chia Hsia (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 261–82; P. Burschel. Sterben und Unsterblichkeit: Zur Kultur des Martyriums in der frühen Neuzeit, Ancien Régime, Aufklärung und Revolution 35. Munich: Oldenbourg, 2004; B. Gregory. Salvation at Stake: Christian Martyrdom in Early Modern Europe, Harvard Historical Studies 134. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; R. Kolb. For All the Saints: Changing Perceptions of Martyrdom and Sainthood in the Lutheran Reformation. Macon, GA: Mercer University Press, 1987; D. Nicholls. The Theatre of Martyrdom in the French Reformation // Past and Present 121 (1988): 49–73; J.-F. Gilmont. Jean Crespin: Un éditeur réformé du XVIe siècle. Travaux d'Humanisme et de Renaissance 186. Geneva: Droz, 1981; D. Wood (ed.). Martyrs and Martyrologies: Papers Read at the 1992 Summer Meeting and the 1993 Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society, Studies in Church History 30. Oxford: Blackwell, 1993; J. Knott. Discourses of Martyrdom in English Literature, 1563–1694. Cambridge:*

тан, Реформация «обусловила необходимость перестроить убедительное повествование христианского прошлого, чтобы оно могло безусловно выдержать самую жесткую гуманистическую критику Возрождения»⁷.

Празднование столетнего юбилея Реформации дает нам яркую иллюстрацию этого процесса. Годовщина смерти Лютера или дата начала Реформации отмечалась в некоторых имперских городах уже в 1540-х гг., но празднования в 1617 г. сопровождались более широкомасштабным и специфическим действием. Желание отметить вековой юбилей в меньшей степени коренилось в лютеранском благочестии, чем в политической и культурной ситуации начала XVII века, поскольку постоянные конфессиональные раздоры, длившиеся среди протестантов десятилетиями, происходили в условиях возрождающегося католичества. В Рейнской области и в Пфальце курфюрст Фридрих взял на себя инициативу по созданию единого самосознания в лютеранстве⁸.

Cambridge University Press, 1993; *H. C. White*. Tudor Books of Saints and Martyrs. Madison: University of Wisconsin Press, 1963.

⁷ *Van Liere*. Ditchfield and Louthan, Sacred History, p. 186; *E. Cameron*. Primitivism, Patristics and Polemic in Protestant Visions of Early Christianity // *Van Liere*, Ditchfield and Louthan, Sacred History, pp. 27–51; *F. M. Heal*. What can King Lucius do for you? The reformation and the early British Church // *English Historical Review* 120 (2005): 593–614.

⁸ По-видимому, речь идет о Фридрихе II Пфальцском (1482–1556), курфюрсте в 1544–1556 гг., при котором началась Реформация в курфюршестве, или о Фридрихе V Пфальцском (1596–1632), курфюрсте в 1610–1623 гг., в правление коего отмечался столетний юбилей Реформации.

В Виттенберге празднования «юбилея» Лютера были сдобрены весьма жесткой антикатолической риторикой. В течение трех дней там читали основанные на библейских текстах проповеди, в которых папа римский превращался то в Антихриста, то в Вавилонскую блудницу⁹, а истинно верующие лютеране представляли гонимыми страдальцами. Празднование столетия Лютера привело к применению в полемическом арсенале самых разнообразных видов идеологических вооружений. Самое видное место занимали проповеди, но и гравюры на дереве, памфлеты и театрализованные представления, монеты и медали – все это представляло Лютера основателем реформированной веры. Монах Лютер был избран Богом для того, чтобы уничтожить суеверия и идолопоклонство монашества; сам Господь уполномочил этого человека противостоять силе и власти средневековой Церкви. Память о Лютере выстраивалась со всевозможным тщанием. Священники читали проповеди по установленному образцу, а светские и церковные власти предлагали верующим только те образы и речи, которые позволяли им в нужном ключе думать о Реформации как о совокупности идей и историческом событии. В этом праздновании ключевым моментом была не смерть Лютера, а события октября 1517 г., когда Лютер, как гласила история, прибил свои 95 тезисов к дверям Замковой

---

⁹ Образ Вавилонской блудницы появляется в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 17).

церкви в Виттенберге¹⁰. Язык юбилея резонировал с теорией чистилища и порожденных ею религиозных практик, но введение юбилея в официальный календарь создало культовый прецедент для иконоборческой Реформации. Возможно, самую знаменитую иллюстрацию этого можно увидеть в гравюре 1617 г. «Сновидение Фридриха Мудрого» (The Dream of Friedrich the Elector)¹¹. Фридрих Саксонский так рассказывал своему брату Иоганну об этом сне¹². Помолившись за души в чистилище, Фридрих заснул:

<...>Мне приснилось, что Всемогуший Бог послал мне монаха – истинного сына апостола Павла. По велению Господа его сопровождали все святые, чтобы засвидетельствовать передо мной и заявить, что он не замышляет никакой интриги и все, что он сделает, будет соответствовать воле Господа. Они попросили у меня великодушно позволить мо-

---

¹⁰ C. Zika. Reformation Jubilee of 1617: Appropriating the Past through Centenary Celebration // Authorized Past: Essays in Official History. D. E. Kennedy (ed.). Melbourne: Melbourne University Press, 1995; R. Kastner. Geistliche Rauffhandel: Form und Funktion der illustrierten Flugblätter zum Reformationsjubiläum 1617. Frankfurt and Berne: Peter Lang, 1982; R. Kastner. The Reformer and Reformation Anniversaries // History Today 33 (1983): 22–23; J. R. Paas. The German Political Broadsheet 1600–1700, 2 vols. Wiesbaden: Harrossowitz, 1986.

¹¹ Göttlicher Schrifftmessiger, woldenckwürdiger Traum, welchen der Hochlöbliche... Churfürst zu Sachsen... dreymal nach einander gehabt hat... (London: British Museum, 1880, 0710.299).

¹² Имеется в виду курфюрст Саксонский Фридрих III Мудрый (1463–1525), правивший в 1486–1525 гг. и покровительствовавший Мартину Лютеру.

наху написать кое-что на двери Замковой церкви в Виттенберге. Через моего канцлера я дал такое разрешение, после чего монах пошел к церкви и начал писать <...> Перо, которым он пользовался, было настолько велико, что его конец достиг Рима и проткнул уши припавшего к земле льва, а тройная корона на голове папы сотряслась. Все кардиналы и князья поспешно забегали, пытаясь предотвратить ее падение <...>. Лев, раздраженный пером, начал реветь так мощно и громко, что жители всего Рима и всех земель Священной Римской империи сбегались узнать, в чем дело. Папа обратился к людям с просьбой противостоять монаху, а поскольку его святейшество знал, что монах находится в пределах моих земель, он обратился и лично ко мне <...> И снилось мне, что все князья империи, и мы в их числе, поспешили в Рим и пытались сломать перо. Но чем больше мы старались, тем жестче оно становилось, словно сделано было из железа. И мы оставили наши попытки. Затем я спросил монаха (поскольку я был то в Риме, то в Виттенберге), откуда у него это перо и почему оно такое прочное. «Перо, – ответил он, – принадлежит старому гусю из Богемии, и ему сотня лет. Я получил его от одного из моих старых школьных наставников. Что же до его прочности, это из-за того, что из него невозможно удалить сердцевину, и меня самого это немало изумляет». Неожиданно я услышал громкий шум – множество других перьев появилось из длинного пера мо-

наха. Когда я проснулся в третий раз – было уже светло¹³.

Век спустя после начала борьбы Лютера с чистилищем и индульгенциями события 31 октября 1517 г. были определены как начало религиозной трансформации, вдохновленной Богом и осуществленной в соответствии с провидческим замыслом. В проповеди Абрахама Скультетуса, которую он произнес во время празднований 1617 г. и с которой мы начали, чувство богоизбранности Лютера вполне очевидно. «Вечный Всемогущий Бог смотрел на нас милостиво, и вывел нас из ужасного мрака папства, – провозглашает Скультетус, – и привел [нас] к яркому свету Евангелия». Празднование столетнего юбилея в 1617 г. во многом способствовало формированию образа Лютера как пророка и вестника и дало новое описание событий, в которых 95 тезисов стали «моментом» начала Реформации.

---

¹³ *B. Kurtz and J. G. Morris. The Year-Book of the Reformation. Baltimore, MD: Publication Rooms, 1844, pp. 48ff.*

Гравюра к столетию Реформации «Сновидение Фридриха Мудрого», 1617 г.

Образ Лютера как избранника Божьего, выделенного Все-могущим Господом, которого Он спас и защитил, чтобы мо-нах выполнил свое предназначение, стал еще более явным в 1717 г. во время празднования двухсотлетней годовщины Реформации. В то время фигура Лютера вновь находилась в центре празднеств, но подразумеваемое в сновидении Фри-дриха признание сверхъестественности его действий оказа-

лось более детально и ясно показано в многочисленных рассказах о «неопалимом Лютере», а также в образах и предметах, связанных с Лютером и неуязвимых для огня. Наиболее ярко такие события представлены в работе Юстуса Шёпфера «Неопалимый Лютер» (*Lutherus non combustus*), опубликованной в 1717 г. на латыни и немецком языке. Шёпфер представил целый список множества «чудес», связанных с Лютером, включая широко описываемый случай, произошедший с пастором и настоятелем из Артерна, который в 1634 г. нашел в своем сгоревшем кабинете уцелевший в огне портрет Мартина Лютера. Пастор отправил гравюру в английскую консисторию в Мэнсфилде, где она была выставлена с надписью «Лик Лютера, чудесным образом уцелевший при пожаре в Артерне». Это изображение обычно считается первым «неопалимым Лютером», но вскоре появились и другие примеры¹⁴.

Было ли это сфабриковано или принималось лютеранской церковью сознательно или подсознательно, но явная нерушимость образа Лютера вполне ассоциировалась с нетленными мощами святых, открыв новую страницу в торжественных церемониях Реформации. Чудесное спасение образа Лютера кажется абсурдным, учитывая нападки самого Лютера на идолопоклонство и суеверное обожание образов католиками. Как мы увидим, в Виттенберге уничтожение икон

---

¹⁴ R. Scribner. *Incombustible Luther: the Image of the Reformer in Early Modern Germany // Past and Present* 110 (1986): 38–68.

было главной задачей ранней Реформации, но отношения между ней и изображениями было сложнее, чем представляет иконоборческая риторика. Друг Лютера и великий художник Лукас Кранах Старший успешно популяризировал Реформацию, поддерживая своими картинами и запрестольными образами лютеранскую теологию. На них изображались не только библейские сцены, но и церковные службы и литургии, что позволяло проводить празднование Вечери Господней на фоне кранаховских изображений¹⁵. Нечто подобное произошло и с напечатанным рассказом о «неопалимом Лютере», вовлекающем читателя в диалог, в котором повествование о Реформации придавало форму памяти о Лютере, а воспоминание в свою очередь создавало сам рассказ.

Посыл празднований 1717 г., сформированный сочинениями 1617-го и выраженный в популярной песне, состоял в том, что Слово Божие и учение Лютера никогда не исчезнут (*Gottes Wort und Luthers Lehr wird vergehen nimmermehr*)¹⁶. В этих словах присутствовал подразумеваемый антикатолицизм, который казался эхом словаря 1617 г. и представлял Лютера праведным реформатором, ведущим борьбу с церковью Антихриста. Однако к 1817 г. фокус оценки Реформаторского движения сместился и приобрел политизированное значение. Лютера стали представлять национальным ге-

---

¹⁵ J. L. Kerner. *The Reformation of the Image*. London: Reaktion, 2004.

¹⁶ C. Linberg. *The European Reformations*. London: Wiley and Sons, 1996; R. Kolb. *Martin Luther as Prophet, Teacher and Hero*. Grand Rapids, MI: Baker Books, 1999.

роем, а конфессиональный конфликт сгладили, сделав упор на общечеловеческий прогресс, которому положила начало Реформация. Памятные медали изображали не только Лютера, но и Лютера и Кальвина, а король Пруссии участвовал в совместной евхаристии лютеранского и кальвинистского духовенства. В соответствии с новой зарождающейся теологией Гегель заявил, что Реформация является «все преобразующим *солнцем*, взошедшим после вышеупомянутой утренней зари в конце Средних веков»¹⁷¹⁸. Такой язык вдохновил Леопольда фон Ранке написать «Лютеровский фрагмент» – биографию реформатора, которая прочно поставила Лютера в ряд отцов-основателей германской государственности. В биографии Лютера Ранке заявлял о ценности истории, а не агиографии, хотя в 1817 г. в связи с проведением праздничных мероприятий появилось множество агиографических сочинений. Более серьезное толкование Ранке было представлено в его шеститомном сочинении «Немецкая история в эпоху Реформации (1839–1847)» (*Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation (1839–1847)*), которое вплоть до конца века оказывало глубокое влияние на описание и историю немецкой Реформации. В этой работе автор оспаривал основную роль веры в процессе Реформации, приписывая главную движущую силу вечно свободному ду-

---

¹⁷ Цит. по: *Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории* / Пер. А. М. Водена. СПб.: Наука, 2000. С. 420.

¹⁸ *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte.*

ху, управлявшему происходящими событиями¹⁹. Казалось, что послание Лютера проникало в души и сердца немцев, по мере того как политическая история протягивала нить от Лютера к Бисмарку, создав миф о творении для земель, ставших единой Германией во времена Отто фон Бисмарка. Распространение Реформации и ее триумф должны были создать политическую и культурную среду, которая позволяла таким честолюбивым замыслам увенчаться успехом. «Лютер и немецкая нация» были как вдохновением, так и результатом. В работе, исследующей влияние Лютера, Генрих фон Трейчке называет его «основоположником всей немецкой нации», «немецкое неповиновение» которого, как и желание противостоять несправедливой власти, не только сформировало германский характер, но и отражало его. Лютер вдохновил немецкую современность – в политике, религии и

---

¹⁹ *L. von Ranke. Fragment Uber Luther 1817 // L. von Ranke, Aus Werk und Nachlass: Fruhe Schriften III. W. P. Fuchs (ed.). Munich: Oldenbourg Verlag, 1973; L. von Ranke. German History in the Age of the Reformation, 6 vols. Berlin: Duncker & Humblot, 1839–1847; A. G. Dickens. Ranke as a Reformation Historian. Reading: University of Reading, 1980; C. Hinrichs. Ranke's Lutherfragment von 1817 und der Ursprung seiner univeralhistorischen Anschauung // Festschrift für Gerhard Ritter zu seinem 60. Geburtstag. Richard Nürnberger (ed.). Tübingen: J. C. B. Mohr, 1950, pp. 299–321; G. Berg. Leopold von Ranke als akademischer Lehrer: Studien zu seinen Vorlesungen und seinem Geschichtsdenken. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968, pp. 109–113; C. Hinrichs. Ranke und die Geschichtstheologie der Goethezeit. Göttingen: Musterschmidt Wissenschaftlicher Verlag, 1954; L. von Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation // L. von Ranke, Sämtliche Werke, vols 1–6. Berlin: Duncker & Humblot, 1867–1890.*

культуре²⁰. Термин Ранке «свободный дух» продолжал формировать немецкую историографию Реформации вплоть до XX века²¹. В передовице, напечатанной во влиятельном научном журнале *Archiv für Reformationsgeschichte* от 1938 г., провозглашалось, что Реформация является «главным достижением немецкого духа [Geist], а ее историческое понимание должно быть сохранено всем немецким народом». Однако журнал не намеревался укреплять связь между Лютером и немецкой нацией, скорее принимался более универсальный подход. Изучение Реформации не должно ограничиваться «историей Церкви» или «светской историей», как и историей протестантских церквей. Скорее оно должно сосредоточиться на общей истории влияния Реформации, которое распространялось с XVI века до эпохи Просвещения, когда началось «действительно современное исследование

---

²⁰ *K. Kupisch*. Von Luther zu Bismarck: Zur Kritik einer historischen Idee: Heinrich von Treitschke. Berlin: Verlag Haus & Schule, 1949; *S. M. Landry*. That All May Be One? Church Unity and the German National Idea, 1866–1883 // *Church History* 80, no. 2 (2011): 281–301; *H. von Treitschke*. Luther und die deutsche Nation // *H. von Treitschke*, Historische und politische Aufsätze, vol. 4. Berlin: S. Hirzel, 1897, pp. 378–394; *T. Nipperdey*. Luther und die Bildung der Deutschen // *Luther und die Folgen: Beiträge zur sozialgeschichtlichen Bedeutung der lutherischen Reformation*, (ed.). H. Löwe and C.-J. Roepke. Munich: Chr. Kaiser, 1983, p. 27.

²¹ Справедливости ради нужно отметить, что термин «свободный дух» (*der freie Geist*) не принадлежит исключительно Ранке – это одно из понятий философии Гегеля; см. § 481–482 его «Энциклопедии философских наук». Русский перевод: *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1977 (Философское наследие). С. 323–324.

Реформации, которое смогло объединить теологические, политические и правовые, а также социально-экономические и философские методы»²².

Этот подход, заложенный восемь десятилетий назад, продолжает оказывать значительное влияние на изучение и написание истории Реформации, которая затронула богословие, политику, социальную и экономическую среду, письменную и устную культуру, печать и дискуссии по вопросам пола и религии. Он подпитывается желанием выяснить действительную ситуацию, обсудить восприятие идей и обговорить способы, благодаря которым лютеране смогли перестроить сердца и умы верующих и предложить им обсуждение отношений между протестантством, историей и памятью. Испытав влияние альтернативных подходов и методологий, в особенности социальных, культурных, лингвистических и материальных «поворотов» современной науки, история Реформации стала историей не только Церкви или даже религии, но в большей степени веры. Хронология Реформации сдвинулась, но, кроме того, изменилась и трактовка интеллектуального ландшафта, на котором проходил процесс Реформации. Сегодня считается общепризнанным, что теология Реформации базируется на интеллектуальной основе Церкви позднего Средневековья. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что протестантство произошло из

---

²² G. Ritter, H. Bornkamm and O. Scheel. Zur Neugestaltung unserer Zeitschrift', Archiv für Reformationsgeschichte 35 (1938): 1–7.

«семян средневекового богословия», а не родилось в мозгу одного Лютера²³. Поэтический язык Картера Линдберга²⁴ вызывает в воображении образы «евангельских ростков», не только выросших в некоторые современные ветви протестантизма, но и переплетенных с ростом раннего современного католичества. Систематика Реформации фокусируется на реформаторах и предполагает, что без них Реформации не было бы. В то же время, если несколько развить нашу садовую метафору, становится ясно, что при любом анализе роста необходимо учитывать почву и среду²⁵. Та же самая

---

²³ Эта мысль отнюдь не нова: предшественники Лютера – Джон Виклиф в Англии, Ян Гус в Чехии, гуманисты в Нидерландах – формировали критическое отношение к католической церкви. Обвинение Лютера в повторении «ереси» Гуса и Виклифа озвучил еще на диспуте в Лейпциге папский посланник Экк в 1519 г. Требование узнать «проповедь Христа из самого источника», то есть Евангелия, озвучил Эразм Роттердамский. См., напр.: *Bunnen P.* Учебник новой истории с историческими картами. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1906. С. 27, 32.

²⁴ Автор книги «Европейские Реформации», впервые вышедшей в 1996 г. См.: *Lindberg C.* *The European Reformations.* Oxford, UK; Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing, 1996.

²⁵ Истоки этого подхода хорошо видны в кн.: *H. Oberman.* *The Harvest of Medieval Theology: Gabriel Biel and Late Medieval Nominalism.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963; Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2001; *H. Oberman.* *Dawn of the Reformation: Essays in Late Medieval and Early Reformation Thought.* Edinburgh: T&T Clark, 1986; *H. Oberman.* *The Reformation: Roots and Ramifications.* Trans. A. C. Gow. Edinburgh: T&T Clark, 1993; *H. Oberman* (ed.). *Forerunners of the Reformation: The Shape of Late Medieval Thought.* New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966; Philadelphia: Fortress Press, 1981; *R. J. Bast and A.C. Gow* (eds.). *Continuity and Change: The Harvest of Late*

связь между католичеством и протестантством утверждалась в до сих пор влиятельном сочинении «Христианство на Западе в 1400–1700 годах» (Christianity in the West, 1400–1700) Джона Босси, в котором он убедительно показывает, что Реформация является частью гораздо более сложного процесса, подорвавшего религиозную однородность западного христианства.

Босси делает вывод, что результатом возникновения такого множества мнений стала протестантская набожность, которая фокусировалась на отдельном человеке, а не на общине, что подрывало возможность социального единения и ощущение христианского мира. В 1980-х гг. в научных кругах широко обсуждалась степень, с которой протестантство создавало или навязывало конфессиональную идентичность. Эти споры значительно подпитывались работой Хайнца Шиллинга и Вольфганга Рейнхарда и языком «конфессионализации», где политика и религия направляли разви-

---

Medieval and Reformation History: Essays Presented to Heiko A. Oberman on His 70th Birthday. Leiden: Brill, 2000; S. Ozment (ed.). The Reformation in Medieval Perspective. Chicago: Quadrangle Books, 1971; S. Ozment. The Age of Reform, 1250–1550: An Intellectual and Religious History of Late Medieval and Reformation Europe. New Haven, CT: Yale University Press, 1980, 1981. См. также: P. Blickle. Die Gemeindereformation: Die Menschen des 16. Jahrhunderts auf dem Weg zum Heil. Munich: Oldenbourg, 1987; B. Moeller. Die Reformation und das Mittelalter. Kirchenhistorische Aufsätze [The Reformation and the Middle Ages: Essays in Church History]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991; B. Hamm. Wie innovativ war die Reformation? // Zeitschrift für Historische Forschung 27 (2000): 481–497; A. Levi. Renaissance and Reformation: The Intellectual Genesis. New Haven, CT: Yale University Press, 2002.

тие современного государства. Здесь создание конфессиональной принадлежности шло рука об руку с общественными отраслями знаний²⁶. С того времени степень взаимодействия политических и религиозных структур и процессов, в ходе которых общественные дисциплины навязывали образец приемлемой веры и поведения, не раз обсуждалась в разнообразных географических и хронологических контекстах. Анализ показывает как благостность, так и жесткость конфессиональной лексики, с помощью которой послереформационные общины приуменьшали степень подконтрольности своих верований и повышали накал враждебной полемики, не позволявшей победить терпимости и миролюбия. Такие споры способствовали более серьезному рассмотрению значения религиозного разнообразия для отдельного чело-

---

²⁶ *H. Schilling*. Konfessionskonflikt und Staatsbildung. Gütersloh, Germany: Gütersloher Verlagshaus, 1981; *W. Reinhard*. Konfession und Konfessionalisierung in Europa // *Bekenntnis und Geschichte: die Confessio Augustana im historischen Zusammenhang*. W. Reinhard (ed.). Munich: Verlag Ernst Vögel, 1981, pp. 165–189; *H. Schilling*. Confessionalization: Historical and Scholarly Perspectives of a Comparative and Interdisciplinary Paradigm // *Confessionalization in Europe, 1555–1700: Essays in Honor and Memory of Bodo Nischan*. J. M. Headley, H. J. Hillerbrand and A. J. Papalas (ed.). Burlington, VT: Ashgate, 2004; *W. Reinhard*. Reformation, Counter-Reformation, and The Early Modern State a Reassessment // *Catholic Historical Review* 75, no. 3 (July 1989): 383; Cp.: *T. A. Brady, Jr.* Confessionalization: The Career of a Concept // *Confessionalization in Europe, 1555–1700: Essays in Honor and Memory of Bodo Nischan*. J. M. Headley, H. J. Hillerbrand and A. J. Papalas (ed.). Burlington, VT: Ashgate, 2004, pp. 1–20. Обобщение см. также: *J. F. Harrington* and *H. W. Smith*. Confessionalization, Community, and State-Building in Germany, 1555–1870 // *Journal of Modern History* 69 (1997): 77–101.

века и всей общины, а также той требовательности, с которой Реформация подходила к осознанному обсуждению отношений между верой и практикой, верующим и Церковью. Помимо этого они приводили к плюрализму верований, что оказывало значительное воздействие на социальные отношения²⁷. В контексте этих взаимодействий недавние работы подчеркнули значимость динамики развития общины и хозяйства, и влияние Реформации на брак, семью, жизнь женщин, и личное восприятие Реформации, которое формировало и формировалось за счет преобразования традицион-

---

²⁷ R. Po-Chia Hsia. *Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550–1750*. London: Routledge, 1989; E. Rummel. *The Confessionalization of Humanism in Reformation Germany*. New York: Oxford University Press, 2000; C. S. Dixon. *The Reformation and Rural Society: The Parishes of Brandenburg-Ansbach-Kulmbach, 1528–1603*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; B. Kaplan. *Divided by Faith: Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007; J. Spohnholz. Multiconfessional Celebration of the Eucharist in Sixteenth-Century Wesel // *Sixteenth Century Journal* 39, no. 3 (2008); U. Lotz-Heumann and M. Pohlig. Confessionalization and Literature in the Empire, 1555–1700 // *Central European History* 40 (2007); C. S. Dixon, C. Scott, D. Freist and M. Greengrass (eds.). *Living with Religious Diversity in Early Modern Europe*. Farnham: Ashgate, 2009; O. P. Grell and R. Scribner (eds.). *Tolerance and Intolerance in the European Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; B. Kaplan, R. Moore, H. van Nierop and J. Pollmann (eds.). *Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c. 1570–1720*. Manchester: Manchester University Press, 2009; C. J. Nederman and J. C. Laursen (eds.). *Difference and Dissent: Theories of Tolerance in Medieval and Early Modern Europe*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1996; L. Racault and A. Ryrie (eds.). *Moderate Voices in the European Reformation*. Aldershot: Ashgate, 2005; A. Walsham. *Charitable Hatred: Tolerance and Intolerance in England, 1500–1700*. Manchester: Manchester University Press, 2006).

ных структур и моделей²⁸.

Такое признание разнообразия откликов на Реформацию часто оказывается весьма далеким от определенности и полемических дебатов, полных противоречий. Попытка завоевать сердца и умы верующих основывалась не только на принуждении, но и на убедительном послы, опиравшемся на эсхатологический язык двуцерковного существования, в котором верующие либо обращались в сторону истинной евангелистской церкви, либо оставались в лоне церкви Антихриста. В пылу полемики оппоненты считали друг друга не просто введенными в заблуждение, но и объявляли слугами Антихриста. В богословских трудах того времени, как и в широко распространяемых дешевых листовках, папскую церковь называли и сборищем сатанинским²⁹, и Вавилонской блуд-

---

²⁸ M. Wiesner-Hanks. Christianity and Sexuality in the Early Modern World: Regulating Desire, Reforming Practice. New York: Routledge, 2000; S. C. Karant-Nunn and M.E. Wiesner-Hanks (eds.). Luther on Women: A Sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; L. Roper. The Holy Household: Women and Morals in Reformation Augsburg. New York: Oxford University Press, 1989; L. Roper. Oedipus and the Devil: Witchcraft, Religion and Sexuality in Early Modern Europe. London: Routledge, 2013; K. I. Stjerna. Women and the Reformation. Malden, MA: Blackwell, 2009; M. Plummer. Priest's Whore to Pastor's Wife: Clerical Marriage and the Process of Reform in the Early German Reformation, St. Andrews Studies in Reformation History. Farnham: Ashgate, 2012; S. Ozment. When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.

²⁹ Выражение «сборище сатанинское» встречается в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 2:9; 3:9), но в английском языке оно передается выражением «synagogue of Satan» (*συναγωγή τοῦ Σατανᾶ*), что отсылает к иудаизму и звучит более оскорбительно для англоязычного уха, чем русский перевод.

ницей³⁰. В 1980-х гг. Боб Скрибнер подчеркивал значимость такого языка и изобразительной продукции в религиозной жизни XVI века. Тем самым он подлил масла в огонь продолжающихся споров о силе и эффективности печатного слова и изображения, использовавшихся как оружие в конфессиональном противостоянии в XVI веке³¹. Привлекательность

---

³⁰ K. Firth. *The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain 1530–1645*. Oxford: Oxford University Press, 1979; R. Bauckham. *Tudor Apocalypse: Sixteenth Century Apocalypticism, Millenarianism, and the English Reformation from John Bale to John Foxe and Thomas Brightman*, Courtenay Library of Reformation Classics, vol. 8. Oxford: Sutton Courtenay Press, 1978. О природе средневековых пророчеств об Антихристе и влиянии таких пророчеств см.: Bauckham. *Tudor Apocalypse*, pp. 10–33; Firth. *The Apocalyptic Tradition*, pp. 1–15; M. Reeves. *History and Eschatology: Mediaeval and Early Protestant Thought in Some English and Scottish Writings // Mediaevalia et Humanistica, New Series*, 4 (1973): 99–123.

³¹ R. W. Scribner. *For the Sake of Simple Folk: Popular Propaganda for the German Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; M. Edwards. *Printing, Propaganda, and Martin Luther*. Berkeley: University of California Press, 1994; L. Febvre and H.-J. Martin. *L'apparition du livre*. Paris: A. Michel, 1958; L. Febvre and H.-J. Martin. *The Coming of the Book: The Impact of Printing, 1450–1800*, 3rd (ed.). London: Verso, 2000; K. Hruza (ed.). *Propaganda, Kommunikation und Öffentlichkeit (11.–16. Jahrhundert)*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002; P. A. Russell. *Lay Theology in the Reformation: Popular Pamphleteers in Southwest Germany, 1521–1525*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; A. Pettegree. *Reformation and the Culture of Persuasion*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; E. L. Eisenstein. *The Printing Press as an Agent of Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; E. L. Eisenstein. *An Unacknowledged Revolution Revisited // American Historical Review* 107, no. 1 (2002): 87–105; E. L. Eisenstein. *The Printing Revolution in Early Modern Europe*, 2nd (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2005; J. Schwitalla. *Deutsche Flugschriften, 1460–1525: Textortengeschichtliche Studien*. Tübingen: Niemeyer, 1983; L. Roper and J. Spinks. *Karlstadt's Wagen: The First Visual Propaganda for the*

печатной книги как средства формирования умов очевидна: она узнаваема и материальна и для большинства ученых обнадёживающе знакома как хранилище идей и сведений. Однако более широкая «культура убеждения», обсуждаемая в работе Эндрю Петтигри и других, расширила границы споров о характере и степени воздействия пропаганды в период Реформации. Учитывая сравнительно небольшой круг читающей публики в Европе раннего Нового времени, ограничения, налагаемые ценой книг, доступностью образования и время от времени вводимой цензурой, можно задать вопрос, насколько важен был печатный станок в процессе распространения идей Реформации. И если печатная продукция больше не является господствующим в распространении новых идей каналом, то каким образом они все-таки получали распространение и насколько можно было контролировать этот процесс? Растущая восприимчивость к взаимодействиям и пересечениям устной и литературной культуры привела к большому признанию той роли, которую играли устная и письменная культуры в процессе передачи информации о Реформации, в формировании веры, истории и памяти. Проповедь, пение и атмосфера обеспечивают новые направления споров о распространении идей Реформации и опыте протестантизма как богословской и культурной силы³².

Reformation // *Art History: Journal of the Association of Art Historians* 40, no. 2 (April 2017): 256–285.

³² M. Milner. *The Senses and the English Reformation*. London: Routledge, 2011; W. de Boer and C. Göttler (eds.). *Religion and the Senses in Early Modern Europe*.

Готовность взаимодействовать с материальным наследием прошлого способствовала размышлениям о весьма сложных отношениях между протестантством и образом, книгой как объектом и священной топографией, благодаря которой родилась не только проповедь Евангелия, но и новая вера³³. В результате было переосмыслено взаимодействие между ве-

---

Leiden: Brill, 2012; *J. M. Frymire*. The Primacy of the Postils: Catholics, Protestants, and the Dissemination of Ideas in Early Modern Germany. Leiden: Brill, 2010; *C. Brown*. Singing the Gospel: Lutheran Hymns and the Success of the Reformation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005; *L. Taylor* (ed.). Preachers and People in the Reformations and Early Modern Period. Boston: Brill Academic, 2003; *R. W. Oettinger*. Music as Propaganda in the German Reformation. Aldershot: Ashgate, 2001; *A. Walsham*. The Reformation of the Landscape: Religion, Identity and Memory in Early Modern Britain and Ireland. Oxford: Oxford University Press, 2011; *A. Walsham*. Recording Superstition in Early Modern Britain: The Origins of Folklore // The Religion of Fools? Superstition Past and Present, Past and Present Supplement 3. S. A. Smith and A. Knight (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 178–206; *A. Walsham*. Like Fragments of a Shipwreck: Printed Images and Religious Antiquarianism in Early Modern England // Printed Images in Early Modern Britain: Essays in Interpretation. M. Hunter (ed.). Aldershot: Ashgate, 2010, pp. 87–109; *A. Walsham*. History, Memory and the English Reformation // Historical Journal 55 (2012): 899–938.

³³ *A. Walsham*. Domesticating the Reformation: Material Culture, Memory and Confessional Identity in Early Modern England // Renaissance Quarterly 69 (2016): 566–616; *C. C. Christensen*. Art and the Reformation in Germany. Athens: Ohio University Press, 1979; *J. Dillenberger*. Images and Relics: Theological Perceptions and Visual Images in Sixteenth-Century Europe. New York: Oxford University Press, 1999; *A. Walsham*. Migrations of the Holy: Religious Change in Medieval and Early Modern Europe // Journal of Medieval and Early Modern Studies 44 (2014): 241–280; *J. L. Koerner*. The Reformation of the Image. Chicago: University of Chicago Press, 2004; *B. Heal*. The Cult of the Virgin Mary in Early Modern Germany: Protestant and Catholic Piety, 1500–1648. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

рой и действием и между физическим и духовным и была признана равная значимость предмета и мысли в устройстве общины, памяти и веры.

Дальнейшим и далеко идущим следствием анализа культуры протестантизма в более широком контексте стало рождение более подробного и сочувственного понимания отношений между Реформацией и сверхъестественным. Недавние исследовательские работы серьезно пошатнули допущение, что путь от папского суеверия к протестантскому отрицанию сверхъестественных существ и объектов и далее к рациональному миру Просвещения был прямым и четким. Эти научные работы изучают присутствие священного в пределах Реформации и спорят о создании протестантской священной вселенной, которая была не просто способом выжить, а осознанной попыткой сформировать отношения между сверхъестественным и физическим. Беспорядочный обмен, характеризующий эти отношения, показывает, до какой степени попытки переопределить взаимодействие между человечеством и его средой были организованы как обсуждением, так и принуждением и обращением. Религиозная культура после Реформации была неоднородной и многообразной и часто характеризовалась широким набором идей и принципов, возникших в ходе столкновения между старым и новым, изображающим прошлое и делающим наброски настоящего³⁴.

---

³⁴ R. W. Scribner. *Popular Culture and Popular Movements in Reformation*

Этот взаимный обмен между настоящим и прошлым был очевиден в ходе празднований каждого из юбилеев Лютера в течение пяти веков, но и в наши дни он не менее значим. Когда сегодня вспоминают о Реформации, она приобретает все более расплывчатую форму. Спустя пятьсот лет Реформация не поддается классификации как простое религиозное, политическое, социальное или культурное событие. У нее отсутствует согласованное начало или конец, а догматы, которые сформировали ее отношения с прошлым и ее собственной историей и идентичностью, оказались гораздо более уступчивыми, чем предполагал ее язык. Но по этой же причине, по мере того как внимание вновь сдвигается к событиям, произошедшим в октябре 1517 г., трудно избавиться от ощущения, что историю Реформации будут продолжать писать и следующие пятьсот лет.

Germany. London: Hambledon, 1987; *K. Thomas*. Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth- and Seventeenth-Century England. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971; *C. S. Dixon, D. Freist and M. Greengrass* (eds.). Living with Religious Diversity in Early Modern Europe. Farnham: Ashgate, 2009; *D. Mayes*. Communal Christianity: The Life and Loss of a Peasant Vision in Early Modern Germany. Leiden: Brill, 2004; *W. Coster and A. Spicer* (eds.). Sacred Space in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; *M. Todd*. The Culture of Protestantism in Early Modern Scotland. New Haven, CT: Yale University Press, 2002.

1. В одной лишь Божьей власти? Мартин Лютер и богословие Реформации

По ряду причин богословские споры и противоречия, которые определяли и формировали Реформацию, в последние годы вышли из нашего внимания. Есть, разумеется, достойные исключения из этого правила, но акцент на культуре реформы, принятии религиозного изменения и долгосрочном воздействии Реформации на веру, который сделал недавние научные исследования такими увлекательными, также таил в себе опасность того, что богословие реформы становится все более периферийным. В последней четверти XX века небольшой, но важный сдвиг от истории Церкви к истории религии перенес внимание с догматов и апологетики интеллектуальной и богословской элиты к тому, что мы могли бы с некоторой натяжкой назвать «народной религией», или верой «простых людей»³⁵. Эти «простые люди» не были безмолвными получателями новых мыслей, покорно принимавшими проповеди и споры, которые определяли и объясняли оправдание верой, *Sola scriptura* и любые другие руководящие догматы евангелистской церкви. Наоборот, в эпоху

---

³⁵ Доступное изложение перехода от церковной к религиозной истории можно найти в статье: *D. Shaw. What is religious history? // History Today 38, no. 8 (1985).*

раннего Нового времени не только приходские священники, но и миряне принимали активное участие в осмыслении и исправлении прежних религиозных воззрений. В более старых, традиционных, описаниях формулирование теологических принципов Реформации приписывается уму и работе «великих людей» зарождающихся протестантских церквей, но возникновение этих идей, казалось, значило меньше, чем их воздействие.

Совершенно верно, что история Реформации должна быть чем-то бóльшим, нежели простая история университетского богословия, но понимание способов, посредством которых богословские и пастырские изменения были приняты и усвоены в приходах, а также в сердцах и умах верующих, все еще должно начинаться с осмысления того, как возникли эти «новые» убеждения. Разумеется, описание эволюции веры никогда не бывает простым. Обсуждение теологии Реформации (или, точнее, теологий) за последние несколько десятилетий стало все больше связываться с верой и практикой поздней средневековой Церкви: ведь история Реформации началась не в 1517 г., а двумя веками ранее³⁶. Растущий интерес к идеям, которые заложили фундамент для распада христианского единства в первой половине XVI века, выгля-

---

³⁶ R. J. Bast. *The Reformation of Faith in the Context of Late Medieval Theology and Piety*. Leiden: Brill, 2004; A. E. McGrath. *The Intellectual Origins of the European Reformation*. Oxford: Oxford University Press, 1987; S. Ozment. *The Age of Reform, 1250–1550: An Intellectual and Religious History of Late Medieval and Reformation Europe*. New Haven, CT: Yale University Press, 1981.

дел вполне естественно на фоне растущего интереса к возникновению и последствиям Реформации. Изучение воздействия реформ на приходы или влияние религиозных убеждений на социальную и культурную сферы во многом способствовали тому, что внимание людей переключалось на конкурирующие теологии, вызвавшие эти перемены. Изучение Реформации как истории вероучения или истории общества нельзя считать взаимоисключающими подходами, наоборот, объединение этих направлений в значительной степени улучшило наше понимание и того и другого. Культурные и социальные перемены, привнесенные религиозными изменениями, происходили из обсуждений богословских вопросов, хотя интеллектуалы того времени зачастую резко отрицали влияние таких идей на национальные культуры, которые основывались скорее на предрассудках, чем на вере. Не так давно редакторы одного из лучших недавних исследований Реформации напомнили нам, что богословие может вновь привлечь пристальное внимание науки, но теперь ее позиция зависит от контекста и больше не привязана к авторитету богословов прошлого. Споры по вопросам теологии Реформации скорее можно найти в исторических и литературных трудах, культурном и социальном анализе эпохи реформы. Богословские принципы не возникают в вакууме, а произрастают из более широкой среды, в которую они были посажены. Поэтому размышления о богословских вопросах требуют от ученого готовности рассматривать их в историче-

ском контексте и отыскивать те факты, которые действовали на перемены в богословии как ускорители или помехи. Спасение было скорее практической, нежели абстрактной заботой, поэтому судьба одной вечной души занимала самые широкие слои населения. Богословы Реформации сами были ее духовными пастырями и проповедниками, и сегодня мы можем узнать об их воззрениях и целях благодаря записям их проповедей, полемическим трактатам, письмам и наставлениям³⁷.

Начало Реформации? 31 октября 1517

В феврале 2015 г. производящая игрушки фирма Playmobil объявила о том, что больше всего продает статуэток Мартина Лютера. В течение трех дней с момента выпуска было продано около 34 000 статуэток Лютера в шляпе, с пером и немецкой Библией³⁸. Представитель компании признал, что популярность оловянной статуэтки Лютера стала неожиданностью, и объяснил быстрые продажи, в частности в Германии, растущим интересом к истории и желанием родителей дать возможность своим детям вырасти с по-

---

³⁷ D. Bagchi and D. Steinmetz (eds.). *The Cambridge Companion to Reformation Theology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 4–5.

³⁸ F. Capon. *Newsweek*, 12 February 2015. URL: <http://www.newsweek.com/martin-luther-playmobil-toy-sells-out-germany-following-recordbreaking-demand-306329>.

ниманием того, как «совершенно обычный человек, разделявший веру и убеждения большинства людей своего времени», остается интересен людям XXI века. Массовое производство и сбыт статуэток Лютера фирмы Playmobil отдают дань уважения традиционной легенде и образам истоков Реформации. Лютер в этой истории четко выразил недовольство католической церковью, прибавив свои 95 тезисов к двери Замковой церкви в Виттенберге. Такое открытое выражение несогласия и даже открытое неповиновение вызвало отклики во всем христианском мире, по-новому представив отношения между человеком и Богом и расшатав основы институциональной церкви. Образ Лютера с молотком в руке возник как самостоятельный символ, ставший обязательным элементом изображения Реформации в изобразительном искусстве, печатном слове и на экране.

В 1960-е гг. Эрвин Изерло заявил, что «Лютер не прибивал тезисы». Заявление Изерло по сути было столь же иконоборческим, смелым и противоречивым, как действия иконоборцев XVI века³⁹. Легенда, по мнению Изерло, была выдумана соратником Лютера, Филиппом Меланхтоном. Вымышленное повествование подкреплялось решимостью Лютера и его последователей установить дату «основания», или начала, Реформации. Тот факт, что легенда не смогла выдержать научного расследования, продолжал Изерло, убедительно доказывает, что Лютер вовсе не собирался безрассудно начинать борьбу с Римско-католической церковью и что процесс, известный нам как Реформация, возник «абсолютно непреднамеренно»⁴⁰. Зарождение идей Лютера, как предположил Изерло, может быть лучше понято в контексте позднего средневекового номинализма, чем событий октября 1517 г. Утверждение Изерло, что Реформация Лютера была неумышленной, возможно, созвучно словам Меланхтона о вывешивании 95 тезисов на церковной двери⁴¹. Меланхтон считал этот факт «началом спора, в котором Лютер, еще не

---

³⁹ E. Iserloh. The Theses were not Posted: Luther Between Reform and Reformation. Boston: Beacon Press, 1968.

⁴⁰ Ibid., pp. 66–73.

⁴¹ Та же лексика используется в рассуждениях Брэда Грегори о воздействии протестантизма: B. Gregory. The Unintended Reformation. Boston, MA: Harvard University Press, 2012.

подозревая и не мечтая о будущем изменении обрядов, несомненно, не полностью избавлялся от самих индульгенций, а лишь подталкивал к умеренности». Однако эта неспособность оценить значение события не должна истолковываться отрицательно. Как предположил Майкл Муллетт, отсутствие понимания Лютером значения событий 31 октября придавало им почти провидческое предназначение. Лютер как орудие намерений Бога еще не видел Божественного плана во всей его полноте. Если Лютер в этой истории был лишь посредником, тогда реформаторская деятельность также осуществлялась по воле Господа, а не человека⁴².

Исследователи продолжают энергично обсуждать подлинность и символику вывешивания тезисов на двери церкви, но решение объявить 31 октября Днем Реформации обусловило постоянное присутствие этой истории почти в каждом повествовании о раннем немецком протестантстве. Король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861) пытался возместить ущерб, нанесенный Замковой церкви во время Семилетней войны и Наполеоновских войн, утверждая, что по крайней мере церковная дверь должна быть восстановлена: «Эта дверь – памятник истории Реформации. Давайте восстановим ее, отольем из драгоценного металла, и точно так же, как Лютер прикрепил свои 95 тезисов, выгравировем их золотыми буквами на двери». В 1858 г. в День Реформации

---

⁴² M. Mullett. Martin Luther's Ninety-Five Theses // History Today 46 (September 2003).

на входе в церковь были установлены бронзовые двери с 95 тезисами⁴³. Во многом достоверность этой истории значит меньше, чем содержание и принятие самих тезисов. Написанный на латыни текст, который Лютер вывесил на закреплённой на церковной двери общей доске для обсуждений и новостей, был, без сомнения, менее значим, чем тот факт, что его идеи широко и незамедлительно распространились внутри и за пределами академического сообщества. Мартин Лютер и его тезисы безусловно остаются отправными точками истории Реформации, хотя степень влияния «этого ключевого человека» или «ключевых моментов его жизни» на трансформацию понимания Бога в Европе остается дискуссионной. Однако этот факт не должен умалать значительных и радикальных положений в менявшемся богословии Лютера. Но вместо допущения, что истинный смысл его мыслей и действий был ясен с самого начала, крайне важно рассматривать идеи Лютера в контексте его жизни, социальных и интеллектуальных условий, в которых он трудился. Помимо этого необходимо учитывать первые побуждения к реформе, во многом определившие дальнейший путь истории.

---

⁴³ B. Stephenson. *Performing the Reformation: Ritual in the City of Luther*. New York: Oxford University Press, 2010, p. 91; U. Husken. *Negotiating Rites*. Oxford: Oxford University Press, 2012, p. 91.

95 тезисов Лютера, отлитые над дверью Замковой церкви в Виттенберге. А. Савин

Экземпляр тезисов был отправлен архиепископу Альберту Майнцскому, который показал их папе Льву X, но тогда тезисы не получили официального отклика, поскольку понтифик не придавал им значения, посчитав «спором сре-

ди монахов» – теологической полемикой, а не решительной попыткой разрушить основы Церкви. Официальный отклик последовал в булле «Восстань, Господи!» (*Exsurge Domine*, 1520), но к этому времени идеи Лютера распространились довольно широко. В 1518 г. Кристоф фон Шойрль и группа студентов Лютера из Виттенберга перевели текст 95 тезисов на немецкий язык и напечатали его, таким образом распространив идеи Лютера среди более широкой аудитории. Чтобы занять место формального или символического начала Реформации, латинская рукопись должна была найти свой путь в народной культуре того времени. И если тезисы не были намеренным началом Реформации, то они не были и полностью сформированным описанием взглядов Лютера; в начале XVI века критика Лютером индульгенций не была ни новой, ни уникальной, а ключевые принципы, которые обычно ассоциируются с поздним лютеранским богословием, еще не вышли на передний план. Они не содержали ни прямого неприятия папской власти (хотя имела место резкая критика папского правления), ни открытого заявления о расколе, ни попытки экстраполировать достаточно узкий вопрос об индульгенциях на иные теологические догматы поздней средневековой Церкви. Так что же для Лютера находилось под угрозой и как обстоятельства и понятия переплетались в его действиях и их последствиях?

Мартин Лютер

Подробности жизни Мартина Лютера хорошо известны из множества биографических исследований, исторических теологий и самых разнообразных обсуждений, в которых она переосмыслялась в различных хронологических, географических и конфессиональных границах⁴⁴. Мартин Лютер родился в Айслебене в 1483 г. Его отец был владельцем мед-

---

⁴⁴ См., например: *M. Arnold*. De l'hérétique Allemand au témoin oecumenique de Jesus-Christ: La biographie de Martin Luther au XXe siècle, a la croisée des ecoles historiographiques Françaises et Allemandes // *Revue d'Allemagne* 334 (2001): 395–412; *H. Neuhaus*. Martin Luther in Geschichte und Gegenwart: Neuerscheinungen Anlässlich des 500 Geburtstages des Reformators // *Archiv für Kulturgeschichte* 662 (1984): 425–479; *R. Vinke* (ed.). *Lutherforschung im 20 Jahrhundert: Rückblick, Bilanz, Ausblick*. Mainz: P von Zabern, 2004; *R. H. Bainton*. *Here I Stand: A Life of Martin Luther*. Peabody, MA: Hendrickson, 2009; *M. Brecht*. *Martin Luther*. Trans. James L Schaaf, 3 vols. Philadelphia: Fortress, 1985; *R. Marius*. *Martin Luther: The Christian between God and Death*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; *H. Oberman*. *Luther: Man between God and Devil*. Trans. E. Walliser-Schwarzbart. New Haven, CT: Yale University Press, 2006; *T. Heinz*. *Die Deutsche Nation und Martin Luther* // *Historisches Jahrbuch* 1052 (1985): 426–454; *C. Bultmann*. V. Leppin and A. Lindner (eds.). *Luther und das monastische Erbe*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007; *W. Schwab*. *Entwicklung und Gestalt der Sakramententheologie bei Martin Luther*. Frankfurt: P. Lang, 1977; *P. Althaus*. *The Theology of Martin Luther*. Trans. R. C. Schults. Philadelphia: Fortress, 1966; *B. Lohse*. *Martin Luther's Theology: Its Historical and Systematic Development*. Minneapolis: Fortress, 1999; *T. Hohenberger*. *Lutherische Rechtfertigungslehre in den reformatorischen Flugschriften der Jahre 1521–1522*. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1996; *A. McGrath*. *Luther's Theology of the Cross: Martin Luther's Theological Breakthrough*. Oxford: Blackwell, 1985.

норудной разработки. Родители Мартина хотели, чтобы он сделал карьеру в области юриспруденции, что обеспечило бы ему достойное положение и благосостояние. С этой целью в 1501 г. он поступил в Эрфуртский университет и, судя по всему, нацелился осуществить честолюбивый замысел своих родителей. Десятилетия спустя Лютер описывал важное происшествие летом 1505 г., которому суждено было изменить ход его жизни. Как-то раз по дороге к саксонскому Эрфурту Мартина застигла гроза, и, опасаясь за свою жизнь, Лютер обратился к заступничеству святой Анны, поклявшись, что в случае спасения станет монахом. В июле, исполняя данное обещание, он вступил в орден августинцев. Жизнь в монастыре была тяжелой, но Лютер полностью посвятил себя ее требованиям, проводя время в постах, молитвах, изучении сознания и исповеди. Как позднее заметил Лютер: «Если кто-либо и мог заслужить место в раю, ведя монашескую жизнь, то это был я». Но праведное выполнение этих обязательств не принесло Лютеру успокоения и уверенности в себе, которых он так искал. Скорее дело обстоит с точностью до наоборот: Лютер упоминал об этих годах как о периоде глубокого духовного отчаяния, когда он «потерял связь с Христом Спасителем и Утешителем, и это превратило его в тюремщика и палача собственной бедной души».

Физические и душевные страдания, которые исходили от господствовавшего ощущения Лютером собственной слабости и греховности, отрицательно сказались на его душе и те-

ле, но эти месяцы отчаяния помогли молодому августинцу сформировать собственное понимание отношений с Богом. Его духовник Иоганн Штаупиц настоял на том, чтобы Лютер ознакомился с работами Блаженного Августина, к которым, как позднее признавал Лютер, он тогда испытывал мало симпатии⁴⁵. Приглашенный в Виттенбергский университет читать лекции по «Сентенциям» Петра Ломбардского⁴⁶, Лютер читал и размышлял о сочинениях Августина «О духе и букве», «О Троице» и «О Граде Божьем», которые он широко цитировал в своих лекциях о Псалмах. Можно определить сдвиг в акцентах и интерпретациях того, о чем говорили Оккам⁴⁷ и Биль⁴⁸: хотя человек несовершенен, он, безусловно, способен достичь спасения и возлюбить Господа. К 1513 г. в «лекциях о псалмах» Лютер заимствовал еще больше идей у Августина и из словаря справедливости Божьей

---

⁴⁵ *M. Luther. Luther's Works* [hereafter, LW]. J. Pelikan and H. T. Lehmann (ed.). 55 vols. Philadelphia: Muhlenberg Press, 1957–1986, XLVIII, 24.

⁴⁶ «Сентенции в четырех книгах» (*Libri Quattuor Sententiarum*) – первое систематическое изложение католического богословия, написанное Петром Ломбардским в XII в. Петр Ломбардский (ок. 1096–1160) – французский богослов, схоласт, епископ Парижский с 1159 г.

⁴⁷ Уильям Оккам (1288–1348) – английский логик, философ и богослов, один из основных представителей номинализма в средневековой философии. Критиковал возможность синтеза аристотелизма и христианского богословия. Наиболее известная максима, или «брита», Оккама – «Не умножай сущностей сверх необходимости».

⁴⁸ Габриэль Биль (Biel, до 1410–1495) – немецкий богослов и схоластик, августинец. Разрабатывал номинализм Уильяма Оккама, а также учение о заветах благодати и справедливости.

(*justitia Dei*). К 1515 г., основываясь на трудах Блаженного Августина, в лекциях о Послании к римлянам Лютер пришел к весьма отличающемуся от официального смыслу справедливости Божьей (Рим. 1:17)⁴⁹. За месяц до обнародования 95 тезисов в работе «Опровержение схоластической теологии» Лютер еще очень резко отказывал людям в возможности достичь истинной праведности. По его мнению, если праведность возможна без благодати Господней, что она есть в себе самом (*facere quod in se est*), то утверждать, что человечество не способно исполнять закон без благодати, означает превратить Божественную благодать в невыносимое бремя. Предваряя то, что должно было произойти два месяца спустя, то есть в октябре 1517 г., Лютер пересмотрел отношения между деяниями, верой и благодатью и высказал мнение, что праведные дела не делают человека праведным: он делается таковым только по милости Господа, и именно поэтому такой человек способен творить праведные дела. Лютер – благочестивый, а возможно, излишне добросовестный монах – стоял на грани разрыва с принципами, которые направляли монастырскую жизнь.

Видеть семена Реформации в духовном кризисе одного человека – значит преуменьшить важность интеллектуальной и культурной атмосферы, в которой находился Лютер.

---

⁴⁹ «В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет». Из этого положения Лютер вывел радикальный догмат оправдания (спасения) только верой.

Разумеется, он был не одинок в размышлениях о смысле и целях христианской жизни. В течение десятилетий, предшествующих личному осознанию Лютером того, что значит быть праведным, как внутри, так и за пределами институциональной церкви раздавались призывы к реформам, и некоторые из них были реализованы в альтернативных воплощениях религиозной жизни, а также в открытом неприятии богословия и практик поздней средневековой Церкви. Сегодня уже невозможно связывать «успех» Реформации только с «разложением», царившим в средневековой Церкви; но взгляд на Реформацию как на некий «плод средневековой теологии» и поныне можно считать верным ракурсом для оценки интеллектуальных истоков лютеровского кризиса и его очевидного преодоления. Несмотря на насущную необходимость реформ (а может, благодаря ей), вовсе не собиравшаяся умирать Церковь позднего Средневековья была вполне энергичной, мощной и уверенной в себе силой, к тому же глубоко укоренившейся в обществе⁵⁰. Церковные власти всячески старались подавить не только еретиков, но и критиков папства, правда, эти усилия не только были реакционным откликом, но и обнажали наличие внутри самой Церкви повсеместно проявляющегося духа перемен. Более

---

⁵⁰ Обсуждение этих вопросов в разном контексте см.: *N. Tanner. The Ages of Faith: Popular Religion in Late Medieval England and Western Europe. London: I. B. Tauris, 2008*; и применительно к Англии см.: *G. Bernard. The Late Medieval English Church: Vitality and Vulnerability Before the Break with Rome. New Haven, CT: Yale University Press, 2012.*

того, они свидетельствовали об определенных институциональных колебаниях. Виклиф, Гус, Эразм Роттердамский и Лютер – все они были выходцами из этой интеллектуальной среды, точно так же, как братства общей жизни, бегинок и свободного духа стали практическим воплощением последствий подобных колебаний. Но если множественность отражала жизнеспособность Церкви, то свобода действий вела к ее уязвимости. Алистер Макграт писал:

<...> В позднесредневековый период существовал поразительно широкий спектр теологий оправдания, охватывавший практически все варианты, которые Карфагенский собор официально не признал еретическими⁵¹. В отсутствие какого-нибудь определенного авторитетного заявления, касающегося того, какой из этих вариантов (или даже диапазон вариантов) может считаться подлинно католическим, решение этого вопроса было оставлено на усмотрение самих богословов. Таким образом, бесконечный доктринальный плюрализм стал неизбежностью⁵².

---

⁵¹ На разных Карфагенских соборах были осуждены разные ереси. Так, в 411 г. Собор осудил донатистов, а в 418-м – пелагианство. Но, возможно, в цитате имеются в виду соборы, созданные Киприаном Карфагенским в середине III в. На этих соборах победила формула Киприана: «Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет Матерью Церковь», то есть спасение без заступничества/посредничества Церкви невозможно. На этом зиждется учение католической, византийской и Русской православной церквей. Именно этот постулат в ходе Реформации стал отрицать Лютер.

⁵² A. McGrath. *The Intellectual Origins of the European Reformation*. Oxford:

Полное отсутствие сколь-нибудь авторитетного руководства привело к тому, что богословские мнения начали смешиваться с официально принятой догмой. Такая ситуация, хотя и подрывала авторитет Церкви, позволяла множеству мнений существовать без подавления. Кризис церковного авторитета развивался одновременно с доктринальной разнородностью, что создавало побудительную и тревожную обстановку, в которой сомнения Лютера вызвали волнение и без того уже беспокойной поверхности⁵³. Из всего этого становится ясно, что сформулированная в 95 тезисах Лютера критика Церкви не была простым началом чего-то нового. Если говорить штампами, то можно сказать, что его тезисы были в такой же степени концом начала, в какой они были началом конца, восходя к богословию XV века, питаясь религиозными, социальными и культурными тревогами века шестнадцатого и одушевляясь внутренним конфликтом одного человека, который был, с одной стороны, глубоко личным, а с другой – общезначимым.

Wiley, 2004, p. 27.

⁵³ Термин «урожай средневековой теологии» взят из одноименной книги Хайко Обермана. См.: *H. Oberman. The Harvest of Medieval Theology: Gabriel Biel and Late Medieval Nominalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963. См. также: *Bast. The Reformation of Faith*; *A. E. McGrath. The Intellectual Origins of the European Reformation*. Oxford: Oxford University Press, 1987; *S. Ozment. The Age of Reform, 1250–1550: An Intellectual and Religious History of Late Medieval and Reformation Europe*. New Haven, CT: Yale University Press, 1981.

95 тезисов

Продажа индульгенций, обещавших спасение грешникам, побудила Лютера написать свои 95 тезисов. В 1517 г. Лютер преподавал в университете и служил приходским пастором. Осуждение им продажи индульгенций в основном произрастало из академического образования Лютера, но еще его тревожило то, что паства могла действительно уверовать в то, что прощение грехов можно получить всего за несколько монет. Последствия его критики были существенными. Индульгенции являлись частью более широкой теологии греха, прощения и раскаяния; в 1517 г. критиковать практику продажи индульгенций значило по меньшей мере поднимать вопросы об основополагающих принципах, оправдывающих само их существование.

Лексикон тезисов – это язык средневековой покаянной системы, поэтому индульгенции нельзя было рассматривать изолированно. Система покаяния стояла на трех столпах – раскаянии, исповеди и искуплении грехов. Чтобы грехи были прощены, христианин должен был испытывать печаль, исповедаться священнику и исполнить епитимью. Акт исповеди священнику и отпущение грехов обеспечивали прощение, но это прощение несло и долг, подлежавший обязательной оплате. Епитимья, или долг за отпущенный грех, могла быть оплачена добрыми делами в этой жизни или страдани-

ями в последующей. Такая схема позволяла грешнику оплатить хотя бы часть долга при земной жизни, а оставшуюся уплатить уже в чистилище, через которое перед вхождением в Царствие Небесное должны были пройти все души, кроме святых. Страдания души в чистилище можно было облегчить молитвами живых, а также приобретением индульгенции, дарующей отпущение греха. Освобождение от наказания, через которое должно пройти в чистилище, в обмен на щедрые жертвования и добрые дела, возможно, могло утешить, но практика замещения наказаний денежными выплатами предоставляла широкие возможности для злоупотреблений. Папы римские последовательно утверждали, что система индульгенций позволяла верующим черпать из сокровищницы добрых дел или запаса «сверхдолжных» дел святых для облегчения бремени собственных страданий. Живые и мертвые, Церковь, воинствующая на земле, страдающая в чистилище и торжествующая в раю, уже объединились благодаря молитвам и добрым делам, но при этом система индульгенций и укрепила эти связи, и подняла вопрос о законности позволения живым приобретать индульгенции для душ в чистилище. В 1476 г. папа Сикст IV подтвердил законность подобной практики. Индульгенции, которые после исповеди не только накладывали епитимью, но и давали отпущение греха, не противоречили установленным искупительным практикам, но эти бумаги, позволявшие облегчить судьбу души, пребывающей в чистилище, казалось, наруша-

ли правила игры, поскольку усопший не мог исповедаться в своих грехах. Принимая во внимание, что купля-продажа индульгенции все чаще превращалась в обычную денежную сделку, далекую от добрых дел, возникла серьезная опасность, что продающих «искупительные» бумаги могли обвинить в нарушении таинства исповеди.

«Вопрос к чеканщику монет», гравюра на дереве. Йорг Брей Старший из Аугсбурга, ок. 1530 г.

Папская индульгенция 1515 г. мало способствовала уменьшению этих опасений. Провозглашенная буллой Льва X «Sacrosanctis» продажа индульгенций была крайне честолубивой по масштабу. Доходы от их продажи шли на поддержание строительства огромного собора Святого Пет-

ра в Риме и на удовлетворение епископальных и территориальных претензий Альбрехта Бранденбургского, недавно произведенного Гогенцоллерном в архиепископы Майнцские. Альбрехт поручил проведение кампании доминиканскому монаху Иоганну Тецелю, который энергично взялся за продажу индульгенций с обещанием, что покупатель обеспечит своей «божественной и бессмертной душе» Царствие Небесное⁵⁴

---

⁵⁴ W. G. Naphy (ed.). Documents on the Continental Reformation. Basingstoke: Macmillan, 1996, no. 11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.